

Содержание

Вступление	5
------------------	---

ЧАСТЬ I. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Глава первая. Некрасивый брак	11
Глава вторая. Появление Елены	24
Глава третья. Три усадьбы.....	34
Глава четвертая. Гессен и «Право».....	39
Глава пятая. Кадеты.....	43
Глава шестая. Клинич	55
Глава седьмая. 2379	67
Глава восьмая. Выборг и Кресты	71
Глава девятая. Дуэльный инцидент	86
Глава десятая. Дети Владимира.....	100
Глава одиннадцатая. Война и революция.....	143

ЧАСТЬ II. КРЫМ

Глава двенадцатая. Крым и Крым.....	177
-------------------------------------	-----

ЧАСТЬ III. БЕРЛИН

Глава тринадцатая. Центр русской эмиграции	195
Глава четырнадцатая. Максимальная эволюция: Владимир и Владимир	208

ЧАСТЬ IV. ТЕГЕЛЬ

Глава пятнадцатая. Убийство в берлинской филармонии.....	249
Глава шестнадцатая. Шабельский-Борк и Таборицкий.....	256
Глава семнадцатая. Некто Винберг	264
Глава восемнадцатая. Что стало с убийцами	269
Глава девятнадцатая. Смерть мужа и отца	273
Глава двадцатая. «Не он убит — мертв его убийца»	276
Глава двадцать первая. Слова.....	296
 Приложение 1.....	 317
Приложение 2	326
Приложение 3	351

Вступление

Эта книга разрасталась, как сладкая вата, наматываемая на палочку.

Много лет назад я отрецензировал очень небольшое объем сочинение «Между жизнью и смертью» — о последних днях Маяковского. Это была почти хроника, но невероятно интересная, хоть и субъективно составленная и прокомментированная.

Через год-полтора я переехал в Берлин. Обосновавшись на новом месте, я вспомнил, что тут был убит и похоронен В. Д. Набоков — отец писателя. Сходил на кладбище, перечитал некоторые фрагменты биографии его сына и подумал: «А почему бы не написать небольшую книжечку “Последние дни Набокова-старшего” — надо только немного поискать информацию о его жизни...» Тут-то ловушка и захлопнулась: я увидел, что информация есть, но очень разрозненная, а главное — ее совсем мало, и есть много пустых мест.

Вскоре стало ясно, что надо писать скорее небольшую биографию, потом я понял, что биографию писать надо максимально большую, потом — что надо будет добавить ранее не публиковавшиеся набоковские статьи берлинского периода (которые надо оцифровать и снабдить комментариями), и еще некоторое время ушло на примирение с мыслью, что работа будет долгой. Но я все равно не подозревал, как надолго она растянется, какие формы примет и в каких местах мне доведется побывать ради осуществления замысла.

Иногда ради одной фотографии, одного впечатления или одного абзаца приходилось ехать или лететь в довольно отдаленные места, включая другой континент.

За эти годы, что я работал над биографией, появилось несколько небезынтересных книг и важнейших публикаций, без которых мне пришлось бы значительно сложнее. Мне удалось сделать пару симпатичных открытий и важных находок, частично восстановить биографии еще нескольких Набоковых, узнать колоссальное количество всякого-разного, до чего просто не доходили руки, а еще я начал понимать — смею надеяться, достаточно четко — причины, которые привели Россию к событиям 1917 года и дальше.

Но главное — я увидел своего героя, Владимира Дмитриевича Набокова. И не то что не разочаровался, а ровно наоборот: если в начале работы я довольно смутно представлял, каким человеком был ВДН, то относительно скоро вопрос прояснился. Коротко — замечательным, хотя и не без неоднозначностей, а подробнее я написал в книге.

Сейчас В. Д. Набоков как самостоятельная личность известен преимущественно историкам. Все остальные если и знают его, то лишь как отца писателя. История двух Владимиров Набоковых — интереснейший пример замещения в массовом сознании одной личности другой личностью при полном и неслучайном совпадении имени и фамилии. Сейчас для нас Владимир Набоков — выдающийся прозаик, автор «Лолиты» и других романов. А для беженцев первой волны Владимир Набоков — это юрист, бывший политик, кадет, публицист, газетчик-издатель, лидер русской эмиграции. Отец нарек родившегося в 1899 году сына своим же именем, а в дальнейшем сам обрел такую известность, что сын до 40-летнего возраста писал под псевдонимом «Владимир Сирин» — не хотел находиться в неизбежной тени отца.

А потом произошла обратная замена, последствия которой я и вызвался немного разгрести.

Спасибо моей жене Маше, которая всегда поддерживала и ободряла меня в метаниях и стремлениях закончить эту книгу. А еще большие благодарности уходят в сторону моих друзей, подруг и знакомых из разных стран, которые помогли — по-разному, но их помощь для меня одинаково ценна. Это: Надя Окс, Борис Элиассон, Елена Сахань, Максим Китайцев, Олег Дмитриев, Елена Синдеева, Игорь Петров, Лидия Виллани, Андрей Литвинов, Мария Стенина, Анастасия Андреева, Максим Ширшин, Татьяна Евтеева, Николай Терещенко, Елена Марголина, Людмила Белова, Юлия Кахидзе, Ольга Кляйм, Ольга Хорн. Спасибо!

Биография В. Д. Набокова писалась шесть лет. Прочсть ее можно за несколько дней. Но хочется верить, что, в отличие от порции сладкой ваты, эффект от «употребления» этого продукта, то есть книги, все-таки будет совсем другим. И что образ Владимира Набокова — не «этого», а «того» — станет более отчетливым и осязаемым, вновь проявившись через столетие.

Берлин, 31 октября 2020 года

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

Некрасивый брак

«По отцовской линии мы состоим в разнообразном родстве или свойстве с Аксаковыми, Шишковыми, Пушными, Данзасами», — рассказывал Владимир Набоков в своем романе «Другие берега». Доказательства найти можно, но особого интереса они не представляют, ибо родство было весьма дальним (точнее, «рѳдства» — во множественном числе).

Первый Набоков, о котором известно, что он не только существовал, но и имел отношение к впоследствии знаменитому семейству, — генерал Александр Иванович Набоков (1749–1807). Герою нашей книги он приходился прадедом. Во время первой русско-турецкой войны Александр был дружен с Суворовым.

Младший сын Александра, Николай (1795–1873), также состоял на военной службе, хотя его карьера была короткой и совершенно неприметной. В 1812 году он окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, затем в чине мичмана служил во флоте. Далее перешел в лейб-гвардию Московского полка. В 1823 году, в 28 лет, он вышел в отставку и поселился в своем имении под Псковом. В дальнейшем он поступил на службу в Псковское удельное ведомство (так назывались, по-современному выражаясь, управляющие компании, распоряжавшиеся землями и недрами императорской семьи), где работал 13 лет — до 1835 года. Причины, по которым он

покинул это место, установить затруднительно, однако это вряд ли случилось из-за переутомления, поскольку в 1843 году Николай Набоков переехал в другой город — Самару, где в должности коллежского асессора возглавил аналогичное учреждение. Такой масштабный переезд (из Пскова в Самару — это ведь даже по нынешним меркам далеко!), вероятнее всего, случился благодаря назначению: официальных документов и указаний на это не сохранилось, но сложно представить какую-либо другую причину. Да и имение свое Набоков не продал — если бы он хотел навсегда покинуть Псков, уж конечно от дома бы избавился.

На Волге Николай Набоков занимал пост, сделавший его одним из самых влиятельных людей города. Дела у него шли неплохо: за первые четыре года его правления Самарская удельная контора добилась отличных результатов, за что Набокову выписали вознаграждение, а затем пожаловали чин статского советника. Его называли «честнейшим и добрейшим человеком в мире»¹.

Его женой была Анна Александровна, урожденная Назимова (1805–1847), родная сестра декабриста Михаила Назимова, хорошо знавшего Лермонтова. В 1846 году Назимов побывал в доме Набоковых в Самаре. В разных источниках указываются разные данные по количеству детей, родившихся у Николая и Анны Набоковых — от 10 до 13. Анна скончалась в 42 года от внезапной болезни и погребена была в Самаре, в Успенской церкви (ее могила не сохранилась). Николай Набоков вскоре после потери жены подал прошение об отставке и в мае 1848 года уехал из Самары обратно в свое псковское имение.

А еще успешный глава Самарской удельной конторы вошел в историю благодаря географической мистификации. В конце 1950-х один из членов семейства сообщил Владимиру

¹ Русская старина, 1884. № 4. С. 78.

Набокову, который тогда обдумывал роман «Бледное пламя», что именем их предка Николая (приходившегося писателю прадедом) названа одна из рек на Новой Земле. Писателю рассказали, что Николай участвовал в северной экспедиции и вошел в число славных русских первооткрывателей. Владимир был потрясен: действие в «Бледном пламени» должно было разворачиваться на загадочной *Новой Земле*, и в истории с собственным прадедом он увидел массу знаков и символов. Однако на самом деле все оказалось куда тривиальнее. Николай Набоков ни на какой Новой Земле не был. Мифом оказалось и присвоение реке набоковской фамилии по желанию его друга, графа Федора Петровича Литке (1797–1882), который действительно принимал участие в той экспедиции, о чем пишут многие набоковеды, включая Брайана Бойда. В нынешней администрации Новой Земли автору этой книги сообщили, что «реки Набокова» на архипелаге нет (что подтверждается и всеми доступными картами).

Еще более славную жизнь прожил старший двоюродный брат Николая — Иван Набоков (1787–1852), генерал от инфантерии. Он был женат на Екатерине Ивановне Пущиной (1791–1866), сестре декабриста Ивана Пущина, лучшего друга Пушкина. Аналогичную пару составили младший брат Ивана Набокова, тоже Николай (1778–?), с женой Ольгой Назарьевной Муравьевой (1779–1857), сестрой другого декабриста. И хотя линия Владимира Набокова (точнее, героя нашей книги и его сына-писателя) идет не от этих двух братьев, очевидно, что почитание либеральных ценностей, уважение к правам человека восходит именно к тому поколению.

После окончания Отечественной войны Иван Набоков был назначен комендантом Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. Именно там содержались участники кружка Петрашевского, в который входили и братья Достоевские. Доброе отношение Набокова к заключенным было общеизвестно. Он

добился разрешения поселить Андрея Достоевского, несправедливо арестованного вместо старшего брата Михаила, в своем доме, хотя прочие должностные лица и возражали. Помимо этого, говорят, что Набоков давал Федору Достоевскому, уже тогда знаменитому писателю (сложно представить, чтобы Иван Набоков, образованный человек, не читал его труды), книги из личной библиотеки. Сохранились сведения о теплом к нему отношении и другого заключенного — Михаила Бакунина.

Ивана Набокова называли добрым тюремщиком. И то и другое неверно. Он не был добрым — он был справедливым и честным. Ну а тюремщиком его и подавно нельзя считать. Интеллигент, генерал — на должность коменданта он был назначен, а у офицеров обсуждать приказы начальства не принято.

Генерал Набоков также писал письма в защиту Пущина, Муравьевых, Назимова, стремясь облегчить их участь на каторге. За это его понизили в должности, но званий не лишили. А после смерти похоронили на территории крепости. Его могилу и по сей день можно увидеть — она находится сразу за собором, на небольшом Комендантском кладбище. Увидеть можно, впрочем, через ограду, так как для открытия ворот требуется специальное разрешение.

Дмитрий Набоков (18.06.1826–15.03.1904, Санкт-Петербург), сын Николая, отец главного героя книги, родился в Псковской губернии, однако затем переехал вместе с отцом в Самару. Оттуда Дмитрий уехал на учебу в Санкт-Петербург — в училище правоведения. Родителей он навещал на каникулах. Училище Дмитрий окончил в 1845 году, а годом позже поступил на службу в Симбирске, где состоял в дружеских отношениях с председателем местной палаты гражданского суда¹. Вскоре после этого вернулся в Санкт-Петербург, где вначале,

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XX. С. 396–397; доп. Т. II. С. 234.

с 1853 года, служил в комиссариатском департаменте морского министерства, а девять лет спустя был назначен его директором.

В 1864 году Набоков вошел в число сенаторов новообразованного гражданского кассационного департамента, а затем, в 1867-м, стал главным управляющим по делам Царства Польского при императорской канцелярии¹. В этой должности Набоков проводил в жизнь судебную реформу на польской территории, и примерно тогда же он обратил на себя внимание великого князя Константина Николаевича (1827–1892), яркого человека и противоречивой личности. Князь Константин, сын Николая I, возглавлял с 1865 по 1881 год Государственный совет, куда впоследствии также вошел и Дмитрий Набоков (с 1876 года). Именно дружба с князем позволила Набокову занять столь высокий пост — но дело было отнюдь не в знакомстве. Константин увидел в Набокове убежденного сторонника своих идей, направленных на преобразование российских судов.

Дмитрий Набоков занимал пост министра юстиции Российской империи с 1878 по 1885 год. Работать ему довелось при двух царях — Александр II и III. Предшественником Набокова на этом посту был граф Константин Пален, а последователем — Николай Манасеин, единомышленник реакционного деятеля Константина Победоносцева.

Оценка деятельности Дмитрия Набокова как министра может быть двоякой. С одной стороны, говорили, что он ничем не выделялся и был «чиновником до мозга костей», безэмоциональным, порой медлительным в принятии решений. С другой стороны, именно его призвали на службу в непростой момент, а после коронации Александра III, случившейся в 1881 году, в отставку не отправили: при новом императоре

¹ www.genrogge.ru/isj/isj-257-2.htm

Дмитрий Набоков прослужил еще дольше, чем при убитом отце Александре II.

Время, в которое довелось работать Дмитрию Набокову, ознаменовалось усилением реакционных сил. Крестьянская и Судебная реформы 1860-х дали определенный эффект, однако полтора десятилетия спустя настали непростые времена. Давление на несменяемость независимых судей и суды присяжных возросло, и главной целью реакционеров стало добиться отмены как первого, так и второго. Образованных юристов, в число которых входил и Набоков, подозревали в предательстве национальных интересов. Даже удивительно, что Набокова назначили министром, — он во всем был западником и не собирался поддаваться влиянию реакционеров.

В середине февраля 1881 года Александр II одобрил документ, предполагающий созыв некоего собрания, на которое было бы возложено обсуждение дальнейших преобразований в стране. Это был бы первый в истории российский парламент. Брайан Бойд предполагает, что автором документа мог быть Дмитрий Набоков, которого император 28 февраля попросил принести вечером некий «новый закон». На следующий день Александра II убили террористы (Дмитрий Набоков успел побывать у смертного одра императора, а Александр III спустя некоторое время подарил министру пуговицы с окровавленной рубашки убитенного самодержца), а о парламентской идее забыли — то ли нарочно, то ли случайно. Оставшиеся три года службы Набоков отчаянно, и до поры успешно, противостоял попыткам реакционеров ликвидировать суды присяжных, отменить публичный доступ к заседаниям и другие ключевые положения Судебных уставов 1864 года. Всеми силами он старался отстоять право человека на защиту от несправедливости.

Впрочем, случались у Набокова и объективные неудачи. К примеру, распространение круга действия Судебных уставов шло слишком медленными темпами — уставы были введены только

в ряде губерний, в основном на юго-западе и северо-западе страны. Закон от 1880 года, предписывающий введение мировых учреждений в Остзейском крае (Эстляндия, Курляндия, Лифляндия — нынешние страны Балтии), не был исполнен.

Поздней осенью 1885 года император, поддавшийся уговорам консерватора Победоносцева, приказал Набокову подать в отставку. Уже после отхода Дмитрия Набокова от дел в газетах дали следующую характеристику его работы на посту министра: «Он действовал как капитан корабля во время сильной бури — выбросил за борт часть груза, чтобы спасти остальное»¹.

Контраст между общественной деятельностью Дмитрия Набокова и его личной жизнью весьма и весьма силен.

С молодых лет он был влюблен в баронессу Нину фон Корф (29.04.1819–08.02.1895), страстную и отнюдь не добродетельную красотку из древнего вестфальского рода, старше Набокова на семь лет. Отвечая ему взаимностью, выйти за него она тем не менее не могла, поскольку с 1839 года была замужем за русским генералом Фердинандом Николаевичем фон Корфом (04.07.1806–03.07.1869).

Для решения любовной коллизии ход был придуман весьма неприглядный: Набоков в возрасте 33 лет женился на 17-летней Марии Фердинандовне (24.02.1842–30.12.1925, Бухарест), одной из дочерей баронессы, не испытывавшей восторга, во-первых, от самого факта, что ее таким образом взяли в оборот, а во-вторых, от характера своего мужа — мрачного и замкнутого (впрочем, декабрист Александр Беляев, встречавшийся с Дмитрием Набоковым еще в Самаре, отмечал, что будущий министр был «кроток, скромн, деликатен, с чрезвычайно мягкими и приятными манерами в обращении», его отличало «резвое, спокойное и тихое

¹ Внутреннее обозрение, 1885. № 12.

самообладание труженика дела и долга»¹). Такого рода тройственные союзы, однако, в псевдопуританском XIX веке встречались сплошь и рядом. Как бы то ни было, юная Мария все-таки сделалась Набоковой, и после этого Дмитрий смог сопровождать «свою» баронессу в ее заграничных путешествиях. Вскоре после свадьбы связь Дмитрия и Нины прекратилась (и не возобновилась после смерти генерала фон Корфа), но брак выстоял. Впрочем, Мария и Дмитрий Набоковы так и не полюбили друг друга. Мария, отличавшаяся грубоватыми манерами, только мешала карьере мужа, а также транжирила его деньги. А еще, по словам ее внука, писателя Набокова, Мария Корф считала, что в честь их предка-крестоносца был назван остров Корфу.

В ее транжирство верится легко. Когда Дмитрий Набоков уходил в отставку, император Александр III предложил ему на выбор графский титул или 50 тысяч рублей (в придачу к большой пенсии). Набоков, хотя и очень желал получить титул, вынужден был выбрать деньги — иначе бы с долгами не справился. Еще ему было даровано село Кацице в 40 километрах от Кракова, близ городка Мехува (видимо, в знак признания набоковских успехов в польских делах). Судя по всему, Набоков либо там никогда не был, либо приезжал буквально считанные разы и ненадолго. Вероятнее всего, императорский дар оформлен таким хитрым образом, что продать Кацице Набоков не имел права — иначе сложно объяснить то, что село перешло по наследству его сыну Дмитрию.

Всего Мария Набокова с 1860 по 1882 год родила девятирех детей.

Нина (14.10.1860 или 1861, Санкт-Петербург — 28.09.1944, Париж). Фрейлина императрицы Марии при дворе царя Александра II. До 1909 года состояла в браке с бароном Раушем фон

¹ Русская старина, 1884. № 4. С. 78–79.

Траубенбергом (1855–1923), а позднее — с адмиралом Николаем Николаевичем Коломейцевым (1867–1944), героем Русско-японской войны. В первом браке у Нины родились четверо детей, включая Юрия (Георгия), друга детства писателя Владимира Набокова.

Наталия (1862–17.11.1938, Гаага). Фрейлина при императорском дворе. Была замужем за Иваном Карловичем де Петерсоном, дипломатом, первым секретарем императорского посольства в Брюсселе. У них было трое детей.

Вера (1863–1938, Бухарест). Вышла замуж за Ивана Григорьевича Пыхачева (1864–1919), помещика, владельца земель в Уфе, Симбирске и Новгороде. У пары было двое детей.

Дмитрий (26.06.1867, Санкт-Петербург — 1949). Был женат на Лидии Эдуардовне Фальц-Файн (01.12.1870, Аскания-Нова — 16.11.1937, Вильнюс). У них было шестеро детей, среди которых Николай (Николас) Набоков, композитор, автор книги «Багаж. Мемуары русского космополита», и Софья (Оня), о которой мы еще расскажем отдельно.

Сергей (06.10.1868, Санкт-Петербург — 21.12.1940, Бухарест). Служил прокурором, с 1910 по 1915 год был последним губернатором Курляндской губернии (ее большая часть ныне находится на территории Латвии). Женился на Дарье Николаевне Тучковой (1871–1955). От этого брака родились четверо детей, включая Сергея Сергеевича Набокова (1902–1998), журналиста, работавшего в том числе в агентстве Reuters.

Владимир. Герой нашей книги.

Константин (1872, Ростов-на-Дону — 18.03.1927, Лондон). Дипломат, переводчик. Член российской делегации на мирных переговорах с Японией в 1905 году. Работал в российских диппредставительствах в Брюсселе, Вашингтоне, Лондоне. С 1917 по 1919 год — поверенный в делах Временного правительства. Автор книги «Испытания дипломата» (1921). Как рассказывал писатель Владимир Набоков, Константин, худощавый

меланхолик, дважды избежал смерти: в первый раз в 1905 году в Петербурге не сел в карету к великому князю Сергею Александровичу, которого через несколько минут убил террорист Каляев, а второй раз — когда якобы имел билет на первый и последний рейс «Титаника», но по каким-то причинам отказался от поездки. Константин всю жизнь прожил холостяком.

Елизавета (13.09.1877, Санкт-Петербург — 15.06.1942, Бухарест). Фрейлина императорского двора при двух последних императрицах (Марии Федоровне и Александре Федоровне). Была замужем за князем Генрихом Готтфридом Хлодвигом Сайн-Виттгенштейном (1879–1919). В гости к дяде Генриху, жившему близ Каменец-Подольского, Владимир Набоков — младший ездил во время своего единственного путешествия по России (1911 год). У Елизаветы и Генриха было пятеро детей.

Надежда (17.04.1882–19.10.1954, Хейвордс Хит, Англия). Была замужем дважды — за военным Дмитрием Вонлярлярским, сыном владельца золотых приисков на Урале, и Н. Розеном (имя не сохранилось). От первого брака родилась дочь София. Надежду Вонлярлярскую мать, баронесса Корф, без особого сердечного жара относившаяся ко всем детям, считала любимой дочерью и ради нее в 1916 году пошла на крайние меры, которые не одобрили многие члены семьи, — продала имение в Батово.

В книге «Мир и дар Владимира Набокова» Борис Носик утверждает, что лишь первые четверо были от Дмитрия, а пятерых других, когда ее чувства к мужу окончательно остыли, она родила от разных мужчин, включая гувернанта старшего сына. Если это так, то, получается, Владимир Набоков, седьмой ребенок в семье, появился на свет не от того, кого считал отцом, и фактически должен был носить другую фамилию... Верить ли этому — личное дело каждого, но доказательств этой версии нет. Носик приводит слова Марии Набоковой: «Разве мать Петра Великого не имела великого множества

любовников, да и отцом Петра тоже ведь был вовсе не царь Алексей, а человек по имени Стрешнев». Но, как и домысел об отце Петра, так и это высказывание Марии Набоковой ничем не подтверждено.

Есть в этом даже что-то загадочное. При высокой детской смертности ни один из девятерых потомков Дмитрия и Марии не умер ни во младенчестве, ни в детстве, ни в отрочестве. Это не уникальный случай, но очень и очень редкий. (Для сравнения: у Елены Рукавишниковой, будущей матери писателя Владимира Набокова, было семеро братьев и сестер, из них подростковую пору пережили лишь трое — она сама и брат Василий; был еще брат Владимир, но он умер в 16 лет, да и Василий прожил всего 42 года.) Двое из детей министра Набокова, Нина и Дмитрий, скончались на девятом десятке лет. Еще четверо (Наталия, Вера, Сергей, Надежда) — на восьмом. Елизавета прожила 65 лет, умерев во время Второй мировой войны — вероятно, в мирное время она бы прожила больше. Константин умер в 55, но на его жизнь наложила отпечаток фатальная страсть — он был равнодушен к женщинам, а к мужчинам наоборот и постоянно терзался от одиночества.

А меньше всех прожил Владимир — 51 год...

Он родился в 1870 году в Царском Селе. Оба факта установлены определенно — разночтений по ним нет. Точнее, разночтения были, но много раньше. В частности, в 1949 году его дети, Владимир-младший и Елена-младшая, обсуждали в переписке, в каком же году родился отец. «По одним энциклопедиям наш отец родился в 1869 году, по другим в 1870. На кресте выставлена последняя цифра, но могла быть ошибка (мне, например, вспоминается, что ему исполнилось как будто 52 года — это в марте 1922, — значит, он родился в 1869 как будто)», — писал В. В. Набоков. Елена Владимировна подтвердила, что во всех изданиях стоит 1869 год, однако их мама указывала на 1870-й. К этому добавлялась известная

им шестилетняя разница в возрасте родителей — а в год рождения Елены Ивановны (1876-й) они не сомневались.

С точной датой рождения чуть сложнее. Дитер Циммер, знаменитый немецкий набоковед, указывает дату 15 июля. Владимир Набоков в «Других берегах» пишет про 21 июля как про день рождения отца. Все это создает сложность, поскольку 15 июля по юлианскому календарю никак не может быть 21-м по григорианскому, но от какой-то версии приходится отталкиваться, поэтому примем за основную 15 июля.

Итак, когда Владимир родился, его отца еще не назначили министром, но он уже давно был государственным мужем со своими особенностями характера и привычками. На тот момент Дмитрию Николаевичу исполнилось 44 года, а Марии Фердинандовне — 28. Однако, вопреки всему — разнице в возрасте между родителями, их своеобразным взаимоотношениям, вечной занятости отца и постоянной озабоченности нарядами и приемами матери, — детство Владимира и его братьев и сестер было наполнено солнцем и радостью. Пусть друг друга Дмитрий и Мария не любили, но на собственных детях, кажется, это отражалось минимально. Недлинное северное лето братья и сестры проводили в Батово, в поместье баронессы фон Корф, а нескончаемую осенне-зимнюю пору — в особняке на углу Большой Итальянской (ныне Итальянской) и Малой Садовой улиц. Владимир Набоков — старший в 1922 году в статье называл тот дом «генерал-прокурорским»¹, однако тут можно заподозрить ошибку, потому что генерал-прокурорский дом — это Шуваловский дворец, а он находится хотя и очень близко к углу двух улиц (метров 400), но это были разные здания. В Шуваловском дворце Набоковы не жили, поэтому, скорее всего, писателя немного подвела память.

¹ Набоков В. Д. До и после Временного правительства. — СПб.: Symposium, 2015. С. 468.

Конец жизни Дмитрия Николаевича оказался печален: его рассудок помутился. До того как окончательно уйти в дебри безумия, но понимая, что такой исход не исключен, Набоков думал, что ему следует жить на Французской Ривьере, в то время как врачи полагали, что для него благоприятен северный климат. Однажды Дмитрий Набоков сбежал из-под надзора врачей и долго бродил по неизвестным ему дорогам, пока его не отыскали и вернули домой.

Ухаживала за ним Елена, его сноха, жена героя нашей книги — с ее присутствием старик Набоков еще как-то мирился, прочие вызывали в нем приступы гнева (и то даже при хрупкой Елене бывший министр позволял себе площадную ругань). Нанятого француза, который катал его по Английской набережной в Ницце, Набоков принимал за бывшего коллегу Михаила Лорис-Меликова, генерала, умершего именно в Ницце, но еще в 1888 году. «Смутно вижу себя подбегающим к его креслу, чтоб показать ему красивый камушек — который он медленно осматривает и медленно кладет себе в рот», — писал Владимир Набоков о своем детстве.

Во время одного из припадков забывтья Дмитрия Набокова перевезли в Россию. Елена сделала все, чтобы его спальня выглядела похожей на комнату в Ницце, где он пребывал в последнее время, — похожие цветы, мебель, драпировка. Умер он 15 марта 1904 года с ощущением, что все еще находится на Ривьере, и не слыша шума русских деревьев за окнами.

Появление Елены

Поначалу Владимир обучался на дому — так было в Батово, так продолжалось в Санкт-Петербурге, куда семья переехала на постоянное жительство после назначения Дмитрия Николаевича министром юстиции в 1878 году.

Своих старших сыновей — Дмитрия и Сергея — отец определил в то же Училище правоведения, которое окончил и сам. А вот Владимира, которого неспроста считали самым талантливым, решили готовить к университету. Что требовалось для университета? В первую очередь древнегреческий и латынь. Мальчика Володю — впрочем, он уже начинал превращаться в юношу, потому что домашнее обучение продолжалось до его 13 лет — определили в гимназию. Кстати, одним из его домашних учителей был отец Константин Ветвеницкий, преподававший ему Закон Божий и много лет спустя крестивший нескольких детей своего ученика, в том числе Владимира, будущего писателя.

Набокова отдали в лучшую (и одну из старейших) городскую гимназию — третью, тогда она называлась «Санкт-Петербургская мужская классическая». Гимназия существует по сей день — в статусе школы и под номером 181 она стоит в Соляном переулке, между Летним садом и Литейным. Принимали туда не только «знатных» детей, а вообще всех, кто заслуживал. Среди выпускников — критик-революционер Писарев,

филолог Помяловский, граф Мусин-Пушкин, министр Иван Толстой, пушкинист Слонимский, хирург Оппель, Петр Струве, Дмитрий Мережковский и многие другие известные ученые и государственные деятели.

Однако же особо теплых чувств к гимназии Владимир Дмитриевич не питал. В 1922 году, незадолго до смерти, он написал статью «Петербургская гимназия сорок лет назад», в которой не только описал свои личные впечатления, но и нарисовал картину своего ученичества — думается, она была довольно близкой к действительности. Набоков говорил, что гимназия лично ему «кажется, никакого вреда не сделала» — отметим это прекрасное «кажется», да и в целом это очень характерное признание. Он рассказывал, что не сохранил дурных чувств к учителям (большинство которых относились к ученикам справедливо вне зависимости от сословий), но понимал, что у многих из его товарищей по гимназии воспоминания гораздо тяжелее. «И все же: какая безотрадная картина встает у меня перед глазами, когда я памятью переносюсь к этим отдаленным временам», — восклицал Набоков. Отсутствие вреда от гимназии он объяснял тем, что всегда ухитрялся находить иные способы удовлетворить свою страсть к образованию (в основном чтением).

Львиную долю времени гимназисты посвящали зубрежке мертвых языков, хотя были и другие предметы. Кроме привычных нам математики, физики, русского и одного иностранного языков, с 8-го класса преподавалась космография. На естественные науки из-за латыни и греческого не хватало времени, а о законоведении, истории искусств и философии можно было только мечтать — тем, кто вообще знал об их существовании.

Тем не менее в 1887 году Набоков окончил гимназию с золотой медалью.

Мы не знаем, какие речи вел дома Дмитрий Николаевич, отец Владимира, и имели ли они влияние на политическое

определение его детей, однако известно, что в гимназиях порядки царили самые суровые. Связано это было с попыткой подавить крамолу еще в зародыше, однако приводило, что не удивительно, к обратному результату. Ненависть к дисциплине из-под палки, стремление молодой, еще только формирующейся личности освободиться от гимназических порядков повлияли на Владимира самым прямым образом. Все это — а также неприятие государственного антисемитизма, о котором речь ниже, — сделали Набокова не пассивным либералом, как его отец, а либералом действующим.

В 1887 году Владимир Набоков поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который, по кафедре уголовного права, с отличием окончил четыре года спустя — в 1891-м. Для студенчества время тоже было так себе: свободные собрания, кружки запретили еще в 1884 году (интересно, что по этому поводу думал тогдашний министр юстиции Дмитрий Набоков?), за профессорами следили, чтобы те чего лишнего не сказали на лекциях, была введена единая форма для студентов — с целью вычислять пришлых провокаторов во время восстаний, случавшихся чуть ли не ежегодно.

Как раз на университетские годы пришелся эпизод, не только ясно характеризующий Набокова, но и, как видится сейчас, предсказавший его роковой конец. В марте 1890 года в Санкт-Петербурге бушевала очередная волна студенческих протестов — разумеется, они были направлены на большую свободу для университетов (а точнее, не на большую, а хоть на какую-нибудь). 19 марта во время одной из демонстраций были арестованы несколько студентов, в числе которых был и Владимир Набоков. Узнав, что среди задержанных находится сын бывшего министра юстиции (хотя после отставки Дмитрия Николаевича прошло почти пять лет, фигурой он оставался знатной), начальство попыталось отпустить Набокова, с невинным видом напомнив, что отец ждет его к ужину.

Владимир осведомился, отпустят ли его товарищей, которых тоже ждут к ужину их родные. Услышав отрицательный ответ, Набоков остался в камере. Той же ночью студентов перевели в «Кресты» (в данном случае это было лучше, чем сидеть в участке), а через четыре дня и вовсе отпустили. Товарищ Набокова по фамилии Могиланский утверждал, что именно упрямство Владимира помогло им так быстро — и без последствий — выйти на свободу.

Юридический факультет Набоков окончил в 1891 году. По рекомендации профессора Ивана Яковлевича Фойницкого, юриста и криминолога, Владимиру предложили остаться на кафедре уголовного права и судопроизводства для продолжения образования с перспективой преподавания там же.

Но вначале молодому юристу пришлось отбыть воинскую повинность. Военная служба в те годы была суровой, все без исключения мужчины, кроме духовенства, служили, и большинство из них уходило в армию на шесть лет. Но были и послабления. В частности, получившие высшее образование пользовались максимальным сокращением срока: до полутора лет. Очевидно, В. Д. Набоков прослужил именно столько в конногвардейском полку лейб-гвардии (она занималась охраной императора), но прочие подробности нам неизвестны.

В 1893 году, отбыв военную службу, Набоков уехал — по делам образовательным в Германию, в университеты Лейпцига и Галле (километрах в 40 от Лейпцига). Вероятнее всего, Набоков рассчитывал прибыть к началу осенних занятий, ибо весь 1892 год он служил, и едва ли мог организовать поездку так быстро, чтобы оказаться в Галле сразу после рождественских каникул. Увы, в архиве университета никаких документов о пребывании там Набокова не сохранилось.

Но нам известно, что в Галле Набоков учился в том числе у Франца фон Листа, известного юриста, специалиста

по международному праву и кузена композитора Ференца Листа (именно Франца фон Листа упоминал Лев Толстой в «Воскресении» как одного из авторов, которых читал Дмитрий Нехлюдов), а в Лейпциге — у Карла Биндинга, знаменитого специалиста по уголовному праву тех лет. Впрочем, незадолго до смерти в 1920 году Биндинг крупно опозорился, вместе с коллегой выпустив книгу «Разрешение на уничтожение жизни, недостойной жизни» (*Die Freigabe der Vernichtung lebensunwerten Lebens*), в которой выступал за умерщвление душевнобольных.

(Отметим любопытную деталь: Франц фон Лист был против смертной казни, но публично выступить против этой меры наказания не решался, а В.Д. Набоков это делал неоднократно, о чем мы подробно скажем чуть позже.)

В Германии Набокова настигло письмо Николая Таганцева (1843–1923), знаменитого прогрессивного юриста и криминалиста, который также выступал за отмену смертной казни. (Говорят, Таганцев принимал вступительные экзамены еще у одного Владимира — Ульянова-Ленина.) Таганцев предложил молодому ученому преподавать уголовное право в Училище правоведения — том самом, где учился Дмитрий Набоков и два его сына, брата Владимира. В.Д. Набоков согласился, отказал своему факультету и восемь лет, до 1904 года, читал лекции в училище.

(Набоков своего старшего товарища не забыл и в 1921 году, уже в Берлине, опубликовал в издаваемой им газете «Руль» (выпуск от 31 июля) заметку под названием «Судьба Н.С. Таганцева», в которой рассказал о несправедливом обращении с профессором, которого советская власть обвинила в том, что он готовил заговор, «припасал взрывчатые вещества и десятки миллионов романовских рублей», а потом и арестовала. Набоков вступился за Таганцева — «восьмидесятилетнего немощного старца, только недавно овдовевшего, занятого

исключительно писательским трудом», которым зарабатывал на жизнь. Кроме того, арестовали его сына и невестку, а двух их детей дошкольного возраста отправили в советский приют. Таганцев просидел — в аналоге нынешней КПЗ — недолго, но, когда вернулся, увидел, что его дом подчистую разграблен: профессор остался совершенно один, «разбитый горем и всеми пережитыми потрясениями» и без средств к существованию. В конце заметки Набоков иронически отзывается о словах Анатолия Луначарского, который говорил о заботливости советской власти по отношению к ученым. «Участь Н. С. Таганцева — красноречивая иллюстрация к этим басням», — писал В. Д. Набоков.)

Впрочем, есть и другая версия, что преподавать Набоков начал по инициативе Ивана Щегловитова (1861–1918), министра юстиции при императорском дворе.

В своей самой первой лекции Набоков объявил о своем несогласии с двумя новыми течениями в уголовном праве — антропологическом и социологическом, которые предлагали новые, отличные от классических объяснения существования преступности и иное видение задач этой науки. Владимир Дмитриевич сообщил, что выступает за нормы классической школы и будет их придерживаться (а о том, какое направление более верное и как их положения сочетать в современном мире, дискуссии ведутся и по сей день).

В 1894 году, еще до начала работы в училище, Набоков поступил на службу в Государственную канцелярию при Государственном совете, где проработал до 1899 года и получил звание камер-юнкера. Долго это не продлилось, госслужба оказалась Набокову не по душе и не по сердцу, в отличие от преподавания и политической работы.

И публицистики: уже в 1895 году, то есть в возрасте 25 лет, еще до начала преподавательской деятельности, Набоков отдал в печать свою первую статью: «Нищенство и бродяжничество

как уголовные поступки», которая занимала в «Журнале Санкт-Петербургского юридического общества» ни много ни мало 64 страницы. Далее статьи, публикации следовали буквально одна за другой, но иногда Набоков публиковал и нечто более объемное, к примеру, он составил учебник по Особенной части уголовного права, в котором подробно сравнивал положения уголовного законодательства, принятого в 1903 году, и предыдущего, касающихся имущественных преступлений и преступлений против личности. В дальнейшем Набоков был одним из постоянных авторов таких профильных периодических изданий, как газета «Право», журнал «Вестник права», «Журнал уголовного права и процесса». ВДН также был избран секретарем Юридического общества при Санкт-Петербургском университете, активно участвовал в работе Международного Союза криминалистов, а в 1906 году был избран главой Русской группы Союза.

Во время работы в училище он познакомился с очаровательной Еленой (29.08.1876–02.05.1939, Прага), дочерью миллионера, филантропа и самодура Ивана Васильевича Рукавишникова (1843–1901), владевшего селом Рождествено. Рукавишникову принадлежало колоссальное состояние: точных данных о его размере нет, но ходили слухи о миллионе рублей царским червонным (высшей пробы) золотом, это была сумма совершенно немыслимая, нажитая на приисках на реке Лене. (Кто знает, не в честь ли реки, давшей ему состояние, Рукавишников назвал свою дочь? Впрочем, это скорее шутка, вероятнее, что он назвал дочь в честь своей матери, Елены Кузьминичны.) Весьма нелестную характеристику дал своему деду Владимир Набоков — младший в «Других берегах», назвав его «тираном, который держал в постоянном страхе свою дочь, а со своим <...> сыном Василием обращался столь жестоко и безжалостно, что едва не довел его до смерти».

Но для округа Иван Васильевич делал очень много. Выстроил храм — всего их в Рождествено два, в другом, храме Вознесения Господня, была крещена Елена, его дочь. Основал несколько бесплатных школ, как для мальчиков, так и для девочек, выделял деньги на одежду для крестьянских детей (и они носили не что-то примитивное, а, судя по фото, вполне неплохую одежду и обувь, к примеру, не лапти, а сапоги). Помогал и солдаткам — женщинам, чьи мужья долгие годы служили в армии. Организовал Рукавишников и сельский народный театр, и лечебницу, впоследствии переделанную в полноценную больницу, и даже, говорят, основал фонд, из которого крестьяне брали деньги на покупку лошади или коровы, если их животные погибали, а молодые крестьяне могли получить сумму на строительство дома. (Говорят, что его зять, Владимир Дмитриевич Набоков, впоследствии тоже пользовался репутацией доброго и щедрого «барина», который почти всегда разрешал крестьянам делать все, что им было нужно; и любил, когда в благодарность «мужики» начинали его качать.) В 1880 году Рукавишникову были пожалованы орден Святого Владимира и соответственно дворянское звание.

Его жена Ольга (1845–1901) была дочерью Николая Илларионовича Козлова, в 1869–1871 годах начальника Медико-хирургической академии (ныне Военно-медицинской академии имени Кирова). Уроки юной Елене давал среди прочих не кто иной, как знаменитый профессор зоологии, теоретик эволюционного учения Владимир Шимкевич (1858–1923), а для Василия и рано умершего сына Владимира Рукавишников не просто создал лучших учителей, а открыл одну из гимназий, в которой обучались и мальчики из крестьянских семей. Помимо этого, Иван Васильевич обожал театр и устроил в петербургском доме собственную галерею, наполненную, впрочем, на три четверти «всяким вздором», по едкому выражению не особо почтительного к нему внука.

Не менее достойными людьми были и дядья Елены со стороны отца: Николай и Константин Рукавишниковы. О Николае Васильевиче герой нашей книги сказал в 1901 году в отдельной речи, что ему «более всего подходит определение «деятельный человеколюбец»». Век Н. В. Рукавишникова оказался короток — он не дожил и до 30 лет. Однако успел он многое. Николаю не были свойственны долгие поиски себя, характерные для людей XIX века ничуть не менее, чем для людей XXI. С 25 лет Николай, вопреки воле отца, занимался исправительным приютом для малолетних преступников, который впоследствии получил название Рукавишниковского (еще при жизни Николая!). В столь молодом возрасте он возглавил приют, полностью наладил учебный и воспитательный процесс, сам преподавал, а главное — вдохнул в него жизнь, любовь и обаяние. Исправление воспитанников было почти стопроцентным. Умер он от несчастного случая: сильно простудился на прогулке с воспитанниками, лег и больше не встал. «Высшее удовлетворение каждого общественного деятеля — лицезреть воочию рост, развитие и успех любимого дела, созреть и состариться под его легким бременем, уйти в иной мир с спокойной уверенностью в том, что оно не погибнет. В этой радости судьба отказала Николаю Васильевичу. Она дала ему другое: ни одно сомнение, ни одно разочарование не успело коснуться его светлой души. По словам поэта, “счастье он в жизни вкусил — горе оставил другим”¹, — вдохновенно сказал о Николае четверть века спустя муж его племянницы, Владимир Дмитриевич Набоков.

Константин Васильевич был банкиром, предпринимателем, общественным деятелем и благотворителем. После смерти брата (Николай был средним, Иван, отец Елены

¹ Набоков В. Д. Жизнь и деятельность Н. В. Рукавишникова // Набоков В. Д. О тюрьме, Англии, большевистском перевороте. Воспоминания. — М.: ИД «Юрайт», 2019. С. 234.